

Е. Ю. Захарова

ЛОКАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: МУЖСКИЕ КВАРТАЛЬНЫЕ БИРЖИ ГОРОДА ТБИЛИСИ КАК ЧАСТЬ СОСЕДСКИХ СООБЩЕСТВ

Официально Тбилиси делится на шесть крупных административных районов (Дидубе-Чугурети, Ваке-Сабуртало, Исани-Самгори, Глдани-Надзаладеви, Дидгори и Старый Тбилиси), но помимо официального административного существует и другое, неофициальное, но более актуальное для жителей города деление — деление на *ubani*. Тбилисцы называют его старым, историческим. В толковом словаре грузинского языка слово «*ubani*» в его первом значении объясняется как «один из уголков, частей города или деревни», остальные значения приблизительно соответствуют области значений русского слова «участок». Применительно к официальному административному делению говорят о районах, но, например, в криминальной хронике, чтобы точнее локализовать место происшествия, называют *убани*, имея в виду более дробное «народное» и закреплённое традицией районирование города.

Тема *убани* является частью единого дискурса о «настоящем тбилисстве», «добрососедстве», «мужестве», «братстве» и находит у информантов сильный эмоциональный отклик.

Для жителей Тбилиси деление на *убани* очень актуально, и можно с определенностью говорить об идентичности, связанной с принадлежностью к тому или иному *убани*. В подростковой среде вопрос «Ты из какого *убани*?» зачастую задается при знакомстве одним из первых. Люди старшего поколения (60–70 лет) утверждают, что в молодости они могли с легкостью отличить жителей разных *убани* друг от друга, многие информанты говорят о существовании *убанских* особенностей в сленге и взаимоотношениях в настоящий момент.

Задавая вопрос о принадлежности к тому или иному *убани* или говоря о характерных для него особенностях речи, подразумевают те *убани*, которые имеют отдельные народные названия

(Сололаки, Мтацминда, Окрос убани, Плеханова и пр.) и известные большинству горожан границы. Однако слово «убани» может употребляться и иначе — под ним может пониматься соседское сообщество, воспринимаемое как реальная общность самими его членами, и территория, с которой это сообщество ассоциируется. Можно сказать, что убани в первом значении — единица в большей степени топографическая, а во втором — социальная. Или, по-другому: убани в первом значении — сообщество воображаемое, а во втором — действительная общность, членов которой связывает реальная коммуникация. В тех частях города, где преобладают малоэтажные и частные дома, убани скорее всего будут образованы жителями одной или нескольких соседних улиц, в районах многоэтажной застройки об убани будут говорить как о сообществе жителей соседних корпусов.

Говоря об убани как о соседском сообществе, я имею в виду человеческий коллектив, скрепленный не только общностью территории проживания, но и идеей об общности интересов, взаимной поддержке и контроле друг над другом, а также общей локальной идентичностью. Как о соседском сообществе (в значении реальной общности) об убани¹ говорят и сами тбилисцы, употребляя это слово в собирательном смысле «мои соседи» (например, *тебя ищет весь убани* или *весь убани говорит*).

Характерная и еще недавно неотъемлемая составляющая социального измерения тбилисских городских кварталов — соседские (квартальные, убанские) биржи. Этим словом грузинского сленга называют мужские сообщества по месту жительства, регулярно собирающиеся в определенных местах своего кварта-

¹ Я буду пользоваться словом «убани», так как ни один из возможных переводов («район», «квартал» и т.д.) не отражает с точностью область значений этого слова в грузинском языке. Русскоязычные тбилисцы в своей русской речи либо не переводят это слово, либо пользуются его русифицированной версией «убан». В значении «жители убани» используется также слово «убанцы» — русский вариант грузинского «ubnelebi» (единственное число — ubneli), которое можно поставить в один ряд с групповыми понятиями «соседи», «одноклассники», и прилагательное «убанский». Последним прилагательным, а также грузинским «убнели» в значении «житель убани» в целях точности и удобства изложения дальше буду пользоваться и я.

ла — на углах улиц, в скверах, во дворах. Группа подростков или молодых мужчин, стоящих, подпирая ногой стенку, или сидящих на корточках и лузгающих семечки, — вот что возникает в сознании жителя города при слове «биржа». Для многих тбилисцев биржи — первое, что приходит в голову в связи с темой убани. Не в последних строках возникает биржа и в контексте распространённого в Тбилиси дискурса о городском духе, «qalaqeloba» (букв. «горожанстве») — отличительных свойствах «настоящих» тбилисцев. «Попросив одного из моих информантов-экспертов определить, что такое «биржа», я получила следующий ответ: *это чисто тбилиское понятие, ...можно так сказать убанская тусовка с уклоном в уголовную романтику, но не очень опасная для окружающих*, с добавлением, что участвуют в ней только подростки и молодые мужчины [ПМА 2007]. Я же, как исследователь, под «биржей» понимаю мужское сообщество сверстников, являющееся составной частью более широкого соседского сообщества, и взаимодействующее преимущественно в его публичном пространстве.

Тбилисская соседская биржа относится к кругу явлений, которые в социологической и антропологической литературе обычно классифицируются как *street corner societies*². Под этим термином, введенным У.Ф. Уайтом в работе *Street Corner Society* [Whyte 1943], понимают сообщества, регулярное взаимодействие членов которых происходит преимущественно в одном и том же месте публичного пространства: на перекрестке, площади, на углу улицы и т.п. [White 1943]. Исследования подобных сообществ обычно относят к этнографии улицы, одному из направлений городской антропологии. Подавляющее число работ в этой области проводилось в «этнических» кварталах США, в основном негритянских и латиноамериканских, а также на материале средиземноморских культур. Можно обозначить четыре магистральных направления, в русле которых осуществлялись исследования сообществ данного типа — антропология и социология городской бедности, моло-

² Устоявшегося эквивалента этого термина в русской традиции нет. Возможным некалькированным переводом может быть «уличная тусовка», «компании на перекрестках» и т.д.

дежной делинквентности, гендерные исследования, антропология насилия. Предметы этих исследований разнообразны — организация уличных сообществ, их динамика и внутренняя структура [Jankowski 1991; Venkatesh 2000], уличная идентичность [Vigil 1988; Garot 2007], гомосоциальность и ритуалы мужской маскулинности [Driessen 1983], нормы уличного поведения [Anderson 1999; Jimerson, Oware 2006], насилие и способы им оперировать [Garot 2006], социализация подростков [Harding 2005]. В разрезе данного исследования особый интерес представляет монография М.С. Янковского «Islands in the Street: Gangs and American Urban Society» [Jankowski 1991], который обращается к функциональным связям, определяющим сосуществование группировки и ее соседского сообщества, а также статья Д.Дж. Хардинга «Neighbourhood Violence and the Age Structure of Peer Networks» [Harding 2005], в которой автор обращается в том числе к межгрупповому соперничеству членов мужских соседских сообществ.

На грузинском материале было проведено всего одно исследование, затрагивающее феномен «бирж» — его результатом стала вышедшая в 2000 г. диссертация Яна Кёлера *Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien* [Koehler 2000]. Кёлер сосредоточивается на роли мужских уличных сообществ в общественно-политических процессах, происходивших в стране в 90-е годы XX в.: складывании национального движения, формировании военизированной организации «Мхедриони», событиях гражданской и грузино-абхазской войн. Вопросы о месте убанских в тбилисских соседских сообществах и о построении взаимоотношений принадлежащих к разным уба-ни бирж в диссертации Келера не рассматриваются.

Тбилисские биржи, а точнее формат общения и времяпровождение, которые предполагает участие в них, являются составной частью жизненного стиля, дискурсивного пространства и пространства практик, которые тбилисцы называют «улицей» или, как часто говорят, «академией улицы». Последнее выражение связано с распространенным восприятием улицы и бирж как обязательного биографического этапа, без которого, как считалось совсем недавно, молодой человек не может стать мужчиной, на-

учиться ориентироваться в жизненных ситуациях и межличностных отношениях.

Помимо своей социализирующей функции биржи выполняли еще одну: для некоторых они могли служить подготовительным этапом в построении альтернативной жизненной карьеры в теневых структурах. Тбилисская улица на протяжении своей прослеживаемой по устным рассказам истории всегда была в большей или меньшей степени связана с воровским миром. Приблизительно с 70-х годов прошлого века она начала не только перенимать его поведенческие кодексы и стили (т.н. «романтику»), но и оказалась под контролем его лидеров (однако все же не встраиваясь в него полностью).

В последние пять-семь лет можно наблюдать постепенное угасание связанных с биржами практик, исчезновение самих бирж, а также падение престижа улицы как биографического этапа и жизненного стиля. Объяснить это можно, как представляется, главным образом исчезновением перспектив, которые раньше могла предложить улица. Статус вора в законе — вершина уличной карьеры — или просто положительная репутация в воровском мире перестали казаться привлекательными и престижными. Это связано с мерами по борьбе с воровским миром и дискредитации его лидеров, предпринятыми государственной властью после Революции Роз, а также другими мероприятиями, косвенно, а частично и прямо направленными на разрушение «улицы» как особого пространства практик и дискурса. За несколькими исключениями все мои собеседники свидетельствовали о постепенном исчезновении бирж из городского пейзажа, потере интереса к времяпрепровождению в убани и к «улице» в целом у нового поколения подростков.

В статье я рассмотрю убанские биржи через их внешние, межквартальные связи — с биржами других убани — и через внутренние — со своим убани. В частности, я обращусь к вопросам межгруппового соперничества, а также попытаюсь определить, какое место занимали уличные группы в «своем» соседском сообществе, и обозначить связи, определявшие отношения между биржей и убани, в котором она функционировала. В первой части

изложения будет дана характеристика физического и социального измерений городских кварталов, того контекста, в котором функционировали убанские биржи и без которого невозможно понять их значения для соседского сообщества и наоборот.

Основным источником для данного исследования послужили материалы полуструктурированных интервью, проведенных мной в ходе нескольких полевых сезонов в Тбилиси с 2007 по 2012 г. (три интервью были проведены в Петербурге с тбилискими мигрантами). Я беседовала с тремя категориями информантов: 1) непосредственными участниками бирж, 2) людьми, в биржах не участвовавшими, однако с ними соприкасавшимися, 3) экспертами. Информанты первой категории — в основном молодые люди 20–33 лет, в большинстве своем с высшим образованием или студенты, опыт участия в биржах для подавляющего большинства из которых — недавнее прошлое. Состав второй категории наиболее разнообразен: соседи, члены семей и подруги биржевиков, мандатури³, директора школ и школьные учителя, продавцы квартальных магазинов. Экспертные интервью проводились с антропологами, социологами, журналистами, психологами, служащими министерства образования, сотрудниками некоммерческих организаций.

По причине потери биржами былого значения и угасания связанных с ними практик в последние 5–7 лет я сосредоточусь на хронологическом отрезке, границы которого определяются личным опытом моих информантов — бывших биржевиков — в большинстве своем 20–30-летних молодых людей. Соответственно, речь пойдет о конце 80-х годов прошлого века — первой половине 2000-х. Исключение составит первая часть статьи, где помимо воспоминаний и рефлексии информантов я обращусь также к своему (современному) опыту восприятия городской среды и наблюдениям, хронологическое несоответствие которых основной ткани повествования компенсируется возможностью

³ Мандатури — школьные приставы, подчиняющиеся МВД Грузии. Эта новая позиция была введена в школах Грузии в 2010 г. с целью обеспечения безопасности, нейтрализации конфликтов и контроля за выполнением педагогическим составом и учениками своих обязанностей.

взглянуть на жизнь тбилисских кварталов вопрошающим взглядом носителя другой культуры.

Несмотря на то что данное изложение переходит, таким образом, в область исторической антропологии, оно не теряет при этом связи с сегодняшней действительностью. «Биржевой» опыт построения карьеры в локальном сообществе, разделяемый поколением нынешних 20-ти и 30-летних тбилисцев, оказывает влияние на их сегодняшние жизненные установки и определяет их актуальный социальный капитал.

Убани: физическое измерение

Говорить о тбилисских соседских сообществах невозможно без хотя бы краткого рассмотрения особенностей городской среды, в которой они функционировали. Читателю предлагается совершить небольшую воображаемую прогулку по Тбилиси, сосредоточившись на тех измерениях городского пространства, знакомство с которыми кажется необходимым для понимания особенностей убанской жизни.

Тбилиси очень разнообразен по типам жилой застройки, причем разные виды жилья можно встретить бок о бок друг с другом. В качестве основных можно выделить следующие типы: малоэтажные (1–2, реже 3 и более этажные) дома с небольшим числом квартир (постройки в основном середины — конца XIX в.), многоэтажные и многоквартирные дома, относящиеся к разным периодам XX и началу XXI в. («сталинские», «хрущевки», новостройки конца XX и рубежа веков), и частные одно- или малоэтажные дома (с собственным двором или без), относящиеся к советскому или новейшему периоду. Престижность района не определяется преобладанием какого-то определенного типа застройки. Так, престижными считаются как район Старого Тбилиси, историческая часть города, где преобладают 1–2–3-этажные дома с небольшим количеством квартир, но появляются и новые частные и многоквартирные дома, так и район Ваке-Сабуртало, отстроенный в основном в 30–70-е годы XX в. Ваке расположен на склоне мтацминдского хребта и делится на верхний и нижний Ваке — верхний застроен преимущественно частными домами

с закрытыми дворами, нижний — многоквартирными многоэтажными домами. В Сабуртало преобладают многоэтажные дома. Менее престижными считаются периферийные районы, где преобладают многоэтажные типовые дома 1980-х годов постройки, хотя и здесь есть дополнительные, вносящие коррективы факторы, например этнический состав или история заселения. Так, Диди Дигоми, который по типу застройки ничем не отличается от других «новостроек», считается более престижным по причине большей однородности этнического состава (процент негрузинского населения в нем меньше), а также благодаря истории заселения — изначально в нем селились сотрудники грузинской киностудии.

Районы многоэтажной типовой застройки, отстроенные в 1980-е годы, делятся на микрорайоны, а микрорайоны в свою очередь на кварталы, имеющие порядковые номера, и о населении квартала районов именно этого типа можно говорить как о соседском сообществе. Строительство этих крупных районов типовой застройки на окраине города — следствие процесса урбанизации. Во второй половине XX в. население Тбилиси значительно увеличилось за счет притока сельских жителей, которые получали квартиры на периферии. В последние годы сельские мигранты также селятся в основном в этих районах: жилье тут дешевле, чем в центре. Во многих из них не велось или не было закончено строительство внутриквартальных дорог, что, по словам информантов, еще недавно препятствовало в том числе и полицейскому вмешательству в происходящее внутри квартала. Подъезды во многих из таких многоэтажных домов бывают в плохом состоянии, лифты часто не работают, и вода еще несколько лет назад подавалась по графику. Несколько информантов, живущих в центре, говорили, что им никогда не приходилось бывать в этих районах, и, наоборот, живущие на окраинах могут редко выезжать оттуда в центр [jashi 2008].

Применительно к району Старого Тбилиси с его преимущественно малоэтажной застройкой как о соседском сообществе можно говорить о населении нескольких рядом расположенных улиц. В этом районе сосредоточен наибольший процент коренно-

го населения города. Многие дома в Старом Тбилиси находятся в аварийном состоянии (по причине ветхости, произошедшего в 2002 г. землетрясения, не проводившейся реконструкции и т.д.), большой процент его жителей — малообеспеченные люди. Однако, несмотря на это, район сохраняет престижный статус. Центральное положение, внимание со стороны администрации города, перспективы реконструкции и, что также немаловажно, восприятие его как «сердца Тбилиси», сосредоточения «тбилискости» сделали его привлекательным для обеспеченных людей, которые выкупают здесь землю и строят частные дома. Жители старых домов часто мало контактируют с владельцами вновь построенных частных домов.

Часть старых домов здесь имеют т.н. «итальянские» дворы, особенность которых — общая для всех соседей по этажу деревянная галерея, идущая по внутреннему периметру дома. На верхние этажи поднимаются по ведущей на эту галерею внешней лестнице. Окна квартир выходят на галерею и общий маленький двор, поэтому появление и уход соседей, как и все, что происходит во дворе, становится совершенно прозрачным. Помимо внутренней галереи во дворе многие дома имеют балконы со стороны фасада. «Итальянские» дворы в сознании тбилисцев выступают как символ близости соседских отношений. Часто, особенно с внутренней стороны дома, можно увидеть разнообразные пристройки, которые жители сооружают сами без какого бы то ни было плана, так, как им удобно.

В районах, отстроенных в 1930–1970-е годы, с преобладающими многоквартирными домами, соседские сообщества образуют жители нескольких рядом стоящих корпусов или одной улицы. Среди районов этого периода и типа застройки отмечу Ваке, который тбилисцы особо выделяют как один из самых престижных и дорогих убани. Значительный процент его населения составляет бывшая советская интеллигенция и ее потомки, жилье здесь стоит относительно дорого. Ваке отличается развитой инфраструктурой, здесь находятся офисы организаций, предоставляющих престижную работу в том числе многим жителям самого Ваке.

Квартальная биржа

Галерея итальянского двора

Итальянский двор

Пристройки к жилому дому

В качестве примера квартала с преобладающей частной застройкой можно привести Авлабари — улицы здесь образованы сплошным рядом домов и оград, отделяющих частный двор с небольшим садом от дороги. Ограды имеют почти все дома, но в большинстве случаев двери в них не закрывают. Дома в основном 1–2-этажные, двор образуют хозяйственные постройки или ограды соседних участков, туалет может находиться как в доме, так и во дворе, кухня также может быть вынесена за пределы дома. Состояние домов разное: есть совсем обветшалые дома XIX в., находящиеся в лучшем состоянии постройки XX в., а также только что отстроенные благоустроенные дома обеспеченных людей. Авлабари вмещает несколько соседских сообществ, которые формируются жителями одной или нескольких близлежащих улиц в зависимости от их величины.

В последние годы начали появляться новые для Тбилиси типы жилья — многоэтажные и многоквартирные дома-комплексы с магазинами и фитнес-центрами на первых этажах, часто с подземным паркингом, а также частные дома в огороженных кварталах на периферии города, например в Диди Дигоми и Цавкиси.

Убани: социальное измерение

Об убани говорят как о «большой семье», жизнь которой проходит «как на ладони», так как «все всех знают». Большая степень прозрачности границ между публичным и приватным пространством становится одновременно и причиной, и следствием этой внутриубанской близости между соседями.

Подъезды не закрываются практически нигде в Тбилиси, еще более редкое исключение — закрытый двор. В советское время в престижных районах Ваке и Сабуртало в некоторых домах были установлены домофоны с вывешенными рядом с ними списками фамилий жильцов, так что знать номер квартиры гостю было необязательно. В годы гражданской войны, когда электричество в городе отсутствовало, домофоны не действовали, и большинство из них постепенно вышло из строя, а после войны их уже не восстанавливали. В последнее время в тех же районах в некоторых домах стали устанавливать домофоны современного типа

и уже без списков фамилий, но это мало распространенное явление. Машины паркуют у дома или во дворе, по словам одной информантки, ее отец до гражданской войны часто оставлял машину открытой и с ключами внутри. Оценивая городскую среду по критерию ее «опасности-безопасности», горожане неизменно выделяют период гражданской войны и следующее после нее десятилетие. В эти годы с риском был связан любой выход из дома, а машины не только угоняли, но и отбирали, совершая нападение на водителей, нередкими были и похищения людей. Ситуация постепенно нормализовалась к началу 2000-х, а со второй половины 2000-х, после проведения инициированной новой властью реформы МВД (в особенности после реформы полиции), стали вновь говорить о высоком уровне безопасности на улицах.

Обычно входная дверь в квартиру одна, часто она может быть деревянной, с единственным замком, в многоквартирных домах не существует и практики отгораживать отдельной дверью несколько квартир на лестничной площадке. Дверь в квартиру и замок в ней фактически оказываются единственным защитным барьером между жилым пространством и улицей. В частном доме в центральном тбилисском убани, где мне пришлось однажды жить, входная дверь несколько раз оставалась открытой в отсутствие хозяев, да и сама дверь и замок были настолько слабыми, что могли служить, пожалуй, только символической защитой. Ее было достаточно, потому что крыльцо выходило в небольшой дворик, где все соседи знали друг друга и вероятность того, что пространство двора останется без присмотра, была очень невелика⁴.

Уборку лестницы соседи осуществляют своими силами — приглашают уборщицу и по очереди ей платят или — в подъездах с небольшим числом квартир — убирают лестничные площадки сами. Городские службы отвечают только за уборку придомовой территории.

⁴ Справедливости ради нужно отметить, что чувству защищенности способствовала также близость находящихся неподалеку охраняемых правительственных учреждений.

В настоящее время в городе существуют официальная, законодательно регламентированная форма объединения соседей [saqartelos kanoni binatmesakutreta amkhanagobis shesakheb 2007]. С целью организации участия жителей в деятельности по благоустройству жилых домов в них создаются товарищества собственников жилья с избираемым общим собранием председателем.

Граффити на стенах — обязательная часть городского пейзажа. Их особенно много во дворах и на менее людных улицах, хотя в последнее время они все чаще появляются и в открытых местах, в том числе на стенах и витринах банков и магазинов. Подавляющее большинство надписей — грузинские имена и прозвища, преимущественно мужские. Эти надписи, безусловно связанные с собирающимися в убани биржами, хорошо иллюстрируют воспоминания информантки, девушки, проведшей детство в Ваке:

Там пять-семь имен парней, которые... когда мне было лет восемь, им было по шестнадцать лет. И, собственно, они потом все погибли, потому что это были главные биржевики в Ваке, и самые крутые мальчики, и эти вот пять имен они так и остались на каком-то гараже в нашем дворе. И если обойти все дворы... ну не все-все, а вот 8–10, то везде будут их имена. Вот пять их было таких известных... там в Ваке [ПИМА 2007].

Биржа отмечала границы своей «домашней» территории, например какой-то отрезок улицы бывает отмечен одним набором имен, следующий — уже другим.

Окна и балконы используются для коммуникации между находящимися в доме и на улице: с балкона могут окликнуть проходящего мимо знакомого и вступить в достаточно продолжительный разговор. Этот канал связи используется сборщиками бутылок, металлолома, точильщиками ножей и торговцами вразнос, которые ходят преимущественно по утрам и выкриками объявляют о своем товаре или услугах — обычно это сельские жители, предлагающие овощи, фрукты или молочные продукты. Не пренебрегают этим способом коммуникации и муниципальные коммунальные службы, например предупреждая через мегафон о на-

ступлении последнего срока оплаты по счетам за газ.

Балкон вообще область, где пересечение публичного и приватного наиболее очевидно. На балконе проводят много времени: там отдыхают, читают, общаются с прохожими и соседями, иногда даже смотрят телевизор, который туда выносят. На больших балконах-галереях с внутренней стороны дома устраивают шумные застолья, что, являясь нормой, обычно не вызывает протеста соседей.

Балконы и галереи в итальянских дворах дают возможность оперативно донести нужную информацию сразу до нескольких соседей, причем, если кто-то, кого новость должна достичь, не оказывается на балконе, его могут пригласить выйти туда, позвонив по телефону. Приведу цитату из интервью: *Я выходила на балкон, и она (соседка. — Е.З.) мне и еще пятерым соседкам рассказывала историю, ну, чтобы как бы сразу всем рассказать. И это совершенно нормально, вот это. Она мне звонила со второго этажа, я жила на третьем и говорила, слушай, выйди на балкон, я тебе хочу кое-что рассказать... И это было или что-то, что она хочет, чтобы все узнали или просто еще несколько соседок тоже на балконе и она заодно им рассказывает. Или что-то, чтобы кого-то поддеть, или чтобы кто-то услышал, как она там что-то рассказывает. Ну не просто так происходило [ПМА 2007].*

Посторонним сравнительно легко открывают дверь. Это подтверждает практика попрошайничества, когда милостыню собирают, звоня в квартиры, не только в частных домах, но и в многоэтажных. Иногда по подъездам ходят и торговцы, например женским бельем, криком сообщая о своем товаре. Номера квартир не всегда обозначены, поэтому, когда я приходила по новому адресу, не раз приходилось звонить в звонок наугад, но разговор никогда не велся через закрытую дверь — открывать принято даже чужому.

Дети вырастают на глазах и под присмотром соседей, иногда практикуется бесплатный «baby-sitting». Во дворах и на улицах с редким движением маленькие (с 5–6 лет) дети играют на улице одни, периодически контролируемые взрослыми через окно.

Замечания соседей чужим детям считаются нормальной практикой.

Соседские связи. Случай включенного наблюдения

Приведу эпизод, который изначально был частью моего быта, а не полевой работы в Тбилиси. Неожиданно для меня он предоставил благоприятные условия для включенного наблюдения, которое позволило получить яркое представление о степени интенсивности соседских связей в квартальных сообществах города и о том, где именно в публичном пространстве убани коммуникация между соседями наиболее активна. Это была первая неделя моей полевой поездки в Тбилиси зимой 2012 г. После безуспешных попыток снять комнату по объявлению в газетах моя знакомая (47 лет, два высших образования) предложила попробовать просто пройтись по улицам одного из кварталов и поспрашивать о сдающемся жилье. Процессом поиска руководила моя знакомая и, естественно, исходила при этом из соображений целесообразности, которыми, как я могу предположить, руководствовались бы большинство жителей Тбилиси в аналогичной ситуации. Это незапланированное включенное наблюдение дало мне возможность как исследователю наглядно представить соседское сообщество тбилисского квартала в действии, фиксируя наличие контактов между соседями, их характер и степень близости.

Убани, в который мы отправились на поиски, относится к району Старого Тбилиси и образован малоэтажными жилыми домами постройки в основном XIX в. Он расположен по соседству с туристическими свежеставрированными улицами, но большинство его домов находятся в плачевном, почти аварийном состоянии. Узкие улицы освещены плохо. Однако, несмотря на общий упадок, близость туристической зоны дает о себе знать: встречаются вновь отстроенные или реставрированные дома, в некоторых из них оборудованы частные гостиницы или сдается жилье.

Моя знакомая знала имя хозяйки, сдававшей в этом квартале комнату, однако номера телефона у нее не было, и она предложила спросить «парней на бирже», что было для нее совершенно

естественным способом получить нужные контакты. Однако к биржевикам в результате мы обращаться не стали, а отправились в парикмахерский салон, где у моей знакомой свой мастер — армянка Элла⁵. Салон представлял собой маленькую комнатку, где все нужное для парикмахерской организовано своими силами и подручными средствами, а при входе стоял стол, за которым только что пили чай. В комнатке сидели трое — сама Элла, отец Эллы, пожилой человек лет шестидесяти, и молодая девушка, видимо, знакомая Эллы. Элла не живет в этом убани, но работает здесь очень давно. Она советует навести справки о сдающемся жилье в магазинах — там часто оставляют свои контакты те, кто ищет квартирантов. Отец Эллы предлагает вариант в Авлабари, армянском квартале, где живут его двоюродные братья и сестры и где по этой причине он всех знает.

Мы заходим в магазин напротив, в котором сидит пожилой человек в камуфляжной куртке, очевидно, просто проводит здесь время, общаясь с продавцом и теми, кто заходит. У него есть сдающаяся комната, которую он тут же показывает. В другом магазинчике, где толпится несколько местных жителей, для нас наконец смогли узнать номер телефона хозяйки комнаты, о которой изначально шла речь. Человек, сообщивший нам номер, мужчина лет 50-ти, провожает нас до нужного дома — из вежливости, любопытства или просто чтобы скоротать время. Вариант, предназначенный для сдачи, не подходит, но хозяйка имеет располагающий вид, поэтому моя знакомая решает спросить, не хочет ли она сдать что-нибудь наверху, где живет сама. Видимо, не имея в планах пускать квартирантов к себе, она колеблется, но в результате соглашается показать и свои комнаты. Снаружи фасад дома оштукатурен, отреставрирован, но внутри — обычный старый «итальянский двор» с деревянной лестницей, ведущей на галерею, прямо с которой осуществляется вход в жилое помещение. В квартире холодно, становится понятно, что придется продолжать поиски. Хозяйка вспоминает, что в доме на противоположной стороне

⁵ Большинство занимающихся парикмахерским делом в городе — тбилисские армяне.

улицы тоже сдается комната, рассказывает, что она с этой семьей находится в конфликте, но все-таки решает «сделать им и вам доброе дело». Она провожает нас до дома соседей, а сама встает за воротами, очевидно, что прячется. Мы снизу, с улицы, не заходя во двор, вступаем в переговоры с женщиной, которая выходит на галерею второго этажа. Оказывается, что в данный момент у них ничего не сдается. Затем в крошечном магазине одежды «секонд хенд» мы спрашиваем у девушек-продавиц о сдающемся жилье, они говорят, что не знают, т.к. не живут в этом убани. С тем же вопросом заходим в кафе-кулинарию.

Исчерпав все возможности в этом убани, решаем отправиться в другой, тоже малоэтажный квартал в центре города, где живет пожилая родственница моей знакомой. Она начинает перебирать всех соседей: знает, у кого хорошая ванная, а у кого сейчас совсем плохо с деньгами, и поэтому можно предполагать, что сосед будет заинтересован в квартиранте. Перепробовав множество вариантов, мы идем в дом, расположенный через несколько дворов от дома родственницы, с хозяином которого она связей не поддерживает, но знает, что он сдает жилье. Здесь наконец мои поиски увенчались успехом.

Многие тбилисцы, к которым я обращалась с вопросом о сдающемся жилье, советовали поступить именно так — пройтись по улицам и поспрашивать, а это возможно далеко не в любой городской среде. Здесь необходимы большая степень прозрачности границы между частным и публичным, восприятие как нормы контактов с посторонними на своей домашней территории (здесь не последнюю роль играет ощущение общей безопасности городского пространства) и наличие связей между соседями. Конечно, нужно принимать во внимание, что предлагавшие такой способ поиска жилья имели в виду центральные, малоэтажные тбилисские кварталы, где по сравнению с относительно новыми районами, застроенными многоэтажными многоквартирными домами, намного ниже плотность населения и выше процент старожилков, а значит, предположительно выше и уровень соседской солидарности. Но и в районах многоэтажной застройки она может быть достаточно высокой. Когда идешь в новый район по незнакомому

адресу, и, уже войдя во дворы, спрашиваешь нужный номер корпуса, в ответ с большой долей вероятности уточнят: «Как зовут того, кого вы ищете?». Многие жители новых районов тоже знают своих соседей по именам. Это становится возможным, если дома заселены достаточно давно и сообщество уже успело сложиться или благодаря особенностям заселения. Один из примеров — ведомственные дома, квартиры в которых в советское время представлялись от учреждений, и новоселы еще до получения квартир были знакомы друг с другом или по крайней мере имели основания для сближения.

Узлы коммуникации и границы убани

Приведенный отрывок достаточно наглядно демонстрирует узлы коммуникации, выделяющиеся в пространстве убани, — точки, в которых соседское взаимодействие наиболее интенсивно. Это прежде всего убанский магазин, биржи и салоны красоты. В этом эпизоде речь шла о бирже молодых людей, но в убани собираются не только молодые, но и старшего возраста люди, и для собраний обычно существуют фиксированные привычные места, которые также можно назвать одним из узлов соседской коммуникации. Чаще всего они расположены рядом с домами, иногда в скверах или парках. Это могут быть просто скамейки, стоящие в удобном месте, но часто специально для таких собраний соседи своими силами ставят длинный стол с навесом или сооружают подобие беседки. (рис. 6) Сами информанты сравнивают такие места с *sap'ikhvno/sanakhsho* в деревнях — расположенными обычно в центре села или у источника воды, традиционных точках сбора и общения деревенских жителей. Хотя в убани в таких местах собираются преимущественно пожилые мужчины и мужчины старшего возраста, иногда к ним могут присоединяться также молодые люди и подростки. Обычной практикой, вокруг которой строится общение, здесь бывает игра в домино, шахматы, нарды, карты, кто-то из соседей может принести алкоголь и закуску. Точки, где собираются соседи в теплое время года, зимой пустеют, и тогда местом сбора может стать один из гаражей, с установ-

ленной в нем печью «буржуйкой». Зимой собираются обычно на менее продолжительное время.

Убанские подростки собираются здесь и отдельно от взрослых, это пространство они используют так же, как и старшие мужчины, для настольных игр или небольшого застолья с простой закуской.

Безработные проводят в этих местах более продолжительное время. Для выходящих туда мастеров, сантехников, плотников эта практика может предоставить дополнительный экономический ресурс, давая возможность заработка, так как соседи, которым нужно провести ремонтные или строительные работы, знают, что обратиться к этим мастерам гораздо дешевле и надежнее, чем искать рабочих, например, на рынке строительных товаров⁶. Оплачивается работа по договоренности в зависимости от ее объема — деньгами или бутылкой спиртного.

В убани мужчинам отводится публичное пространство, женщинам — приватное, и женщины не претендуют на пространство, отведенное мужчинам, так же, как и мужчины не претендуют на женское. Муж, брат, сын обычно не считают удобным пригласить в свою семью шумную компанию друзей, особенно если они не знакомы или мало знакомы женщинам, вне особых случаев (дни рождения и пр.) допустимым считается приглашать только нескольких близких друзей. По словам женщины 47 лет, «если в этом доме существует женщина: мать, жена, сестра, туда нормальный мужчина не приводит мужчин. Это неприемлемо» [ПМА 2007]. Речь здесь идет о шумных застольях — *кепти*, которые бывают обычной практикой в кругу друзей-мужчин и для которых всегда найдется повод.

Общение соседок происходит в основном дома — они заходят друг к другу или звонят по телефону. Сидящие на улице или возле подъезда дома соседки — нечасто встречающаяся картина. Женщины могут заходить друг к другу без приглашения, и хотя такие посещения не всегда желанны, с ними мирятся: *Это даже*

⁶ В Тбилиси существует практика найма строительных и ремонтных рабочих на хозяйственном рынке «Элиава».

душит иногда и давит, то, что соседка может зайти какая-то, и она сидит, сидит и не уходит, и все рассказывает про весь дом тебе. А потом приходит вторая и рассказывает тоже про весь дом свою версию того, что происходит. И вечера проходят чаще всего так [ПИМА 2007].

Еще один упомянутый «коммуникационный центр» в убани — парикмахерские и салоны красоты, а также магазины, где информация распространяется через парикмахерш или продавщиц, с которыми у женщин, постоянно посещающих один и тот же салон или магазин рядом с домом, завязываются неформальные отношения.

Объединяющим и мужчин, и женщин узлом в публичном пространстве убани служат убанские магазины. Такие магазины бывают совсем маленькими и принадлежат мелким предпринимателям — зачастую тем же соседям, живущим на первых этажах, или сумевшим приспособить для такой цели подвал. Нередко это семейное предприятие, и туда не привлекают наемной рабочей силы. Часто владелец сам стоит за прилавком, а торговая и жилая зона совмещаются в одном помещении, специально для этого разгороженном. Такие магазины — часть домашнего, частного пространства, и степень доверия к ним выше. Однажды я проходила с моей тбилисской знакомой по улице Леселидзе — одной из основных туристических и «проходных» улиц города. Я предложила купить хачапури в одной из пекарен, но моя знакомая посоветовала лучше сделать это в «убанском» магазине — ведь там стараются не продавать некачественный товар. Другой случай: в «убанском» магазине, в который я довольно регулярно заходила, я однажды спросила, свежий ли сыр. Продавщица, явно обидевшись, ответила: «Здесь убани, плохого мы не продаем». (рис. 8)

Даже если продавец магазина приезжает из другого района, он обычно знает в лицо и по именам всех жителей дома, в котором находится магазин, и жителей близлежащих домов на этой улице, жильцы тоже знают его по имени. В качестве примера приведу случай, рассказанный одной информанткой: *Брат мой жил на Петриашвили в доме нашем, в квартире, а я не жила там. И я зашла к нему в гости один раз, потом спустилась купить*

Продавщица убанского магазина

сигареты. И мне продавщица говорит: «Ну, ты же, наверное, не себе, ты же брату покупаешь. Я не знаю, откуда, я ее не знаю, правда. Я там не жила уже лет десять к тому моменту [ПИМА 2007]. Разговоры с продавцами часто выходят за пределы необходимого в момент купли-продажи, между продавцом и покупателем приветствуется small-talk. Магазины в убани помимо своего основного предназначения служат также для обмена информацией, актуальной для членов соседского сообщества.

Важнейшее значение имеет репутация человека, и обладание благоприятной репутацией открывает для члена соседского сообщества дополнительные возможности, в том числе экономические — например, возможность брать в долг в убанском магазине товары или деньги. Эта практика очень распространена, в том числе и в тех случаях, когда продавец магазина живет в другом месте и не принадлежит к этому соседскому сообществу. Продавец запоминает долги или записывает их в тетрадь, в которой отчерчивает отдельную графу для каждого должника или целой семьи, долги возвращаются по договоренности, причем часто срок, на который дается долг, не определяется строго. В некоторых магазинах принято отпускать в долг товары, иногда одалжи-

вают деньги. Продавцы по звонку могут перечислять деньги на счет мобильного телефона — не нужно выходить из дома, если они внезапно закончились. У продавца нет оснований опасаться мошенничества, поскольку невыполнение обязательств лишает должника в дальнейшем возможности пользоваться услугой, которую предоставляет только магазин своего убани, да и самим этим магазином, расположенным ближе всего к его дому. Если человек умирает и за ним остается долг, его обычно прощают и не требуют у членов семьи возмещения.

Горожане рассказывают о практике распределения «левого товара» между соседями в советское время, что естественным образом способствовало сплочению соседского сообщества. Приведу фрагмент из интервью: *Другой наш сосед он притас... привозил вот во двор вот такая огромная канистра со спиртом, он на этом заводе работал. При всем дворе, все это видели, никто не сопротивлялся, нигде вот там «ну-ну-ну», пальчиком вот не... Он вот он вычерпывал... он вскрывал пломбу, вытаскивал коньячный спирт оттуда ведрами, а дополнял это все кипяченой водичкой [ПМА 2007]. Спирт сосед продавал потом соседям по невысокой цене.*

Соседи, у которых складываются более близкие отношения, оказывают друг другу помощь разного рода. Мне приходилось наблюдать совместное пользование домашним телефоном или холодильником, принадлежавшим одному из соседей. Совместные трапезы, одалживания денег и продуктов, покупка продуктов друг другу также весьма распространены. В случае смерти одного из соседей может практиковаться помощь в приготовлении поминального стола, соседей приглашают на поминки. Безвозмездно могут оказываться некоторые профессиональные услуги, например медсестры или парикмахера.

Различия в истории складывания соседских сообществ, их социальном и этническом составе, уровне социальной мобильности их жителей заставляет предполагать и различия в уровне сплоченности соседских сообществ по разным районам Тбилиси. На это указывают и сами информанты, говоря о большей или меньшей *mezobloba* — интенсивности и близости соседских отношений.

Наличие активных и сплоченных убанских бирж сами информанты связывают с высоким уровнем mezobloba (букв. «соседство», «соседскость»). Представляется, что тбилисские «сообщества на углу улицы» являют собой одновременно и следствие, и предпосылку высокого уровня локальной солидарности. Убанская биржа — это еще один центр соседского взаимодействия, одно из наиболее зримых проявлений соседского сообщества в действии.

До сих пор ничего не было сказано о том, как определяются границы убани. В связи с этим мне кажется уместным привести отрывок из публицистической статьи современного грузинского писателя Аки Морчиладзе (Гиорги Ахвледiani), опубликованной в сборнике лаборатории исследований советского прошлого [morchiladze 2011]. Статья представляет собой небольшой, в меру ностальгический очерк о советском прошлом уже упоминавшегося тбилисского убани Ваке, который сегодня часто фигурирует в разговорах горожан как средоточие свободных взглядов, «светскости», материальной обеспеченности и особого снобизма. Автор рассуждает о том, где проходила и как определялась граница между двумя убани:

Если вернуться снова к Вера и Ваке, наиболее видимым водоразделом между этими двумя убани сегодня является мост и проходящая под ним улица Кекелидзе. Этот мост в последние двадцать лет приобрел такое значение в убанской и уличной жизни, что даже упоминается в качестве отдельного убани, однако граница между находящимися по обе стороны от него убани все-таки остается неопределенной, поскольку она зависит от принадлежности к той или иной школе живущих на пограничных между Вера и Ваке улицах парней, а также от того, кто жителем какого убани себя считает — хотя бы и без школ <...> К этому прибавляется также то, что юноша из пограничного убани объявляет себя жителем того убани, к которому у него больше лежит душа, и вообще, где у тебя друзья, к тому убани ты и принадлежишь. В пограничных условиях так. <...>

Большинство живущих по соседству со мной учеников ходили в вакинские школы, но их было много и в верийских школах. Одна-

ко в один прекрасный день получилось так, что соседний с моим дом на Шрошской улице стал принадлежать Вере. Так получилось примерно двадцать лет назад, поскольку парней, которые жили на этой улице и в окрестностях Круглого сада, стали называть верийцами. У каждого убани свое душевное состояние и свое направленное вовне, к окружающим, значение. Поэтому было неудивительно, что их стали так называть. Они верийцы, и попробуй, усомнись <...> Среди них были и учившиеся в вакинских школах и в верийских, но, как видно, это уже не имело значения, да и школу они все уже закончили. Круг друзей был смешанным, но общее имя получилось все-таки «верийцы» [morchiladze 2011: 173].

Очерк о Ваке, отрывок из которого был приведен, написан не о тбилисской уличной культуре. В последующем тексте нет никаких упоминаний о «мальчиковой» составляющей убанской жизни, однако, пытаясь рассуждать о границах убани, автор исходит именно из позиций уличной культуры. Можно со значительной долей уверенности заключить, что именно так в сознании тбилисцев действительно и определяются границы между убани, ведь деление на убани не административное, оно не актуализируется в связи с теми или иными официальными классификациями, например в связи с делением на избирательные участки. Эти границы проблематизируются только в рамках отношений между биржующими в убани компаниями, только в пределах особого дискурсивного пространства и набора практик, которые горожане называют «улицей». Определение границы по принадлежности мальчиков к школе того или иного убани свидетельствует о том же самом.

В приведенном отрывке автор тонко подмечает важные вещи. Становится понятно, что в ситуации пограничья решающим фактором, определяющим, кем будет человек, «верийцем» или «вакинцем», «мтацминдцем» или «сололакцем», оказывается вовсе не представления о месте условной топографической границы между этими убани. Важно «где у тебя друзья», то есть с кем ты биржуешь. Иными словами, мы еще раз убеждаемся, что убани — понятие прежде всего не топографическое, а социальное:

дом начали приписывать к другому убани, потому что к этому убани стали относить парней, живущих на улице, на которой этот дом находится. Обратим внимание также на замечание о том, что мост, делящий убани, о которых идет речь, благодаря «значению в убанской и уличной жизни» стал со временем восприниматься как особый убани.

Мы видим, что не только обозначение границ уже существующих убани, но и переразграничение уже сложившейся городской среды также происходит с точки зрения мужской уличной культуры.

Я рассмотрю биржу через ее внешние связи — с биржами других убани — и через внутренние — со своим убани. Далее повествование будет вестись в прошедшем времени, поскольку биржевой опыт — прошлое для моих информантов, пусть и совсем недавнее.

Биржа в своем убани

На бирже концентрировалась информация — как внутриубанского уровня, так и более широкая. Для ориентированных на свое локальное сообщество членов биржи контроль над происходящим в нем был исключительно актуален: *Они знали, что в этом убани происходило, кто вошел в это пространство, человек из другого убани, что происходило, кто где работал, у них была любого рода информация. Да, знали. Они, стоя там, сплетни были, новости были, все знали эти типы, кто куда поехал в отпуск, кто где ставит машину, у кого что за дело* [ПМА 2007]. Отслеживая изменения, происходящие как в соседском сообществе в целом, так и в частной жизни отдельных людей, убанская биржа осуществляла контроль над репутацией членов соседского сообщества.

Репутация нового члена соседского сообщества в его старом убани легко выяснялась, поэтому переезд не давал возможности человеку начать жизнь «с чистого листа»: репутация переезжала вместе с ним.

При переходе из одного квартального сообщества в другое, сопутствующем переезду в новый район, уличная культура предписывала обеим сторонам — принимающей и переходящей —

совершить необходимые в этой ситуации ритуальные жесты. Принимающая сторона демонстрировала недоверие, а новичок старался себя зарекомендовать. Обычный путь вхождения — совместное застолье за счет «иницируемого». Вот как об этом рассказывают: *Переехал, например, новый тип... Вообще на улице так, в школе, или когда приходишь в новый класс... ты должен как-то утвердиться на этом месте. Чем-то. С парнями, ну не знаю, отведешь убнелеби в ресторан, познакомишь со своими dzmakatsebi⁷, а если нет, то тут же, в убани стоит банда, «Здорово, брат, как ты? ...Мы парни тут собираемся выпить, брат» — «Я не пью». — «Не пьешь? А вот мы собираемся выпить»... genatsvalot chemi tavi⁸, минутку, парни! Заходит в магазин, выносит пиво, — «На здоровье», и пойдет домой [ПМА 2012]. Новичку в убани устраивали проверку благонадежности, иногда действительно собирая информацию о его репутации в соседском сообществе бывшего убани, выискивая общих знакомых, ведь подразумевается, что ребята с биржи заняты «большими делами» и поэтому могут иметь «серьезные проблемы», в том числе с законом. Вот как говорит об этом тот же рассказчик: *До конца не раскрываешься, понимаешь, поскольку он недавно переехал, все-таки не посвящаешь его в дела, пару раз протестируешь, проведешь ему экзамен [ПМА 2012].**

Жители убани имели достаточно полное представление о составе биржи и наоборот. Особенно это было характерно для кварталов с большим процентом старожильческого населения, где зачастую хорошо знакомы между собой были не только биржевики, но и их родители. Молодой человек 30 лет, житель Веры, так рассказывает о своем «биржевом» периоде: *Когда я вышел в убани (т.е. стал участником биржи. — Е.З.), те, с кем я дружил, мы фактически уже... второе поколение, наши родители тоже были близко знакомы друг с другом и близко общались. В детстве, конечно, случаются драки, противоборство, но в конечном ито-*

⁷ Dzmakatsebi (ед. ч. dzmakatsi) — слово грузинского сленга, которое можно перевести как «друзья, кореша».

⁸ То же, что genatsvale — эмоциональное обращение, выражающее самые добрые чувства к тому, к кому оно направлено.

ге... если что-то происходило, мы все-таки были вместе». Все это [переходило] из поколения в поколение, и это оказало определенное влияние, что бы там не случилось, я знал, что он сын друзей моих родителей [ПИМА 2011]. Таким образом, ребята с биржи были не отделены от соседского сообщества, а естественным образом, часто через своих родителей и семьи друг друга, вписаны в него.

Биржевики проводили значительную часть времени в публичном пространстве убани, и многие события разворачивались у них на глазах. Фиксировалось в том числе неблагоприятное с их точки зрения поведение соседей, что давало членам биржи ресурс для манипулирования. Приведу пример из интервью с одной информанткой, женщиной 45 лет: *Конечно, тебя уважают в том случае, если у тебя не испорчен авторитет. Женщина не имеет права приезжать на разных машинах, уже ее авторитет становится сомнительным, женщина не имеет права занимать разных мужчин, это не уважают. И всячески пытаются притеснить, окликнуть, как-нибудь оскорбить. Настолько все на виду, это не скрыть просто.* Таким образом, понятно, что биржа не только контролировала репутацию своих соседей, но и в какой-то мере создавала ее в соседском сообществе, публично выражая свою оценку и распространяя информацию в убани в том числе через членов своих семей.

Наоборот, те соседи, которые обладали в глазах биржи положительной репутацией, по праву соседской солидарности могли рассчитывать на помощь со стороны биржи. Женщины и девушки, оцениваемые биржей как «порядочные», могли рассчитывать на защиту со стороны биржи и действительно использовали эту возможность, действуя обычно не прямо, а через своих братьев или мужей.

К бирже своего убани сосед мог обратиться в случае конфликта, произошедшего у него с жителем другого убани. Приведу показательный пример из интервью: *Скажем, нашего какого-то третьемикрорайонца, мастера... отвел знакомый первомикрорайонец, он узнал, что в третьем микрорайоне есть какой-то классный паркетчик, отвел, договорились о деньгах, но, как гово-*

рят, он его кинул, ну, дал меньше, ну и они пойдут туда и... если он не заплатит, хорошо отметелят [ПМА 2007].

Сам факт присутствия биржи как силы, лояльной к жителям этого соседского сообщества и агрессивной к чужакам, обеспечивал защиту территории соседского сообщества. *Для убанских это была охранная грамота... Ну чего, вот я могла вот тут вокзал. Представляете, ну какое ну срамное место, что творится на вокзале ночью. А я жила вот здесь на Гоголя, вот первая улица, параллельная. Да я могла в час ночи, в два ночи, и никто не тронет... Я знала, если ко мне подойдет, я скажу, мой сосед такой-то и такой-то. А он потом уже жизнь снимет. Если соседку обидят [ПМА 2007].*

Кражи, как и любые нарушения чужаками общественного порядка в границах убани, воспринимались биржевиками как личное оскорбление. *(Ты меня не уважаешь... Ты думаешь, я тут кто? ...Если в мой убани пришел какой-то и что-то начал, кого-то беспокоит, надо же подать голос [ПМА 2007].)* Если в убани происходила кража и на бирже становилось известно, из какого убани был вор, кто-то с биржи мог совершить ответную кражу-мечь в том убани, и главной целью такого действия была реабилитация репутации своей биржи. (Как отмечает Я. Келер (для 90-х годов), особо тяжелым оскорблением чести была кража машины [Koehler 2000].)

В тесном убанском сообществе соседям обычно было хорошо известно о деятельности друг друга, и если в убани жил вор, об этом тоже становилось известно. Однако предполагалось, что сосед не выдадут полиции и тем более не донесут на него, если он совершил что-то противозаконное на «чужой территории». Приведу в качестве примера цитату из интервью: *Что он делает за пределами убани — это не мое дело. В убани он все-таки наш. Лишнего себе никто не позволит [ПМА 2007].*

Обращение в полицию еще недавно расценивалось как «стукачество» не только по нормам уличного кодекса, такая точка зрения была распространена и в широком обществе. Полиция воспринималась как силовой институт, приводящий в исполнение волю коррумпированной и противопоставленной обществу го-

сударственной власти. Справедливостью наделялась не государственная власть, а воры в законе, которые представляли конкурирующую и противостоящую государственной системе, поэтому любое сотрудничество с государством и тем более обращение в полицию рассматривалось как действие, направленное против справедливости вообще и против тех, кто являлся носителем этой справедливости в частности.

Несотрудничество с полицией — норма, но, по словам информантов, именно биржевики становились теми, кто нарушал ее самым грубым образом. Биржевики, потерпевшие неудачу в уличном сообществе, или те, кому угрожал большой срок заключения, могли вступить на путь прямого или тайного сотрудничества с полицией, становясь информаторами или официальными сотрудниками полиции.

Совершение кражи в своем убани расценивалось биржевиками как тяжелое нарушение уличного кодекса. По словам одного из моих информантов было *исключено, чтобы житель убани в своем убани что-то сделал. Если окажется, что это убнели... его называют «крыса»* [ПМА 2007]. Таким образом, тюремная норма, провозглашавшая «святость и неприкосновенность общака» [Ефимова 2004], переносилась на отношения в убани. Однако реальные практики зачастую расходились с провозглашаемыми нормами. Молодой человек 22 лет рассказывал, что *застал, было так, что ты в своем же убани у кого-то мог сорвать цепочку, или отнять сумку, и такое обламывает, потому что это твой убани* [ПМА 2011].

Уличный кодекс запрещал кражу в своем убани, но разрешал (кажется, даже поощрял) грабеж. «Законной» жертвой грабежа становились те, кого ребята с биржи относят к категории «маменькиных сынков». «Маменькины сынки» подвергались периодическим денежным поборам, у них «одалживались» или просто отнимались вещи (мобильные телефоны, одежда и т.д.). Жалоба родителям в этом случае расценивалась биржевиками как стукачество и оправдывала еще большую агрессию с их стороны.

Среди старших биржевиков выделялся лидер, которого называли убанским «смотрящим» (*maq'urebeli*) — человек, авторитет-

ная позиция которого признавалась не только членами биржи, но и широким убанским сообществом. «Смотрящий» поддерживал связь с вором в законе, живущим в этом же убани или контролирующим его. Большинство информантов говорили о том, что наличие в убани вора в законе являлось гарантией порядка и практически исключало случаи воровства. Если в убани вор не жил, то его функции замещал смотрящий. Опираясь на свой личный авторитет, заработанный на бирже, а также проистекающий из его близости к вору в законе, смотрящий регулировал отношения между биржами в убани, «разбирал дела» тех, кто к нему обращается. Круг таких вопросов был широк — бытовые ссоры, невыплаты долгов, кражи и т.д. (за исключением семейных конфликтов).

Для того чтобы обратиться к вору за решением каких-либо вопросов, необходимо было либо личное знакомство с ним, либо посредник, и таким посредником для членов соседского сообщества мог выступать «смотрящий». Впрочем, и сам смотрящий мог пользоваться настолько большим авторитетом в убани, что его судейство было достаточным для решения подавляющего большинства вопросов и обращение к вору не требовалось вовсе. Приведу пример из беседы с информанткой: *Я знала, что в Авчала был парень, который был всю жизнь... хотел стать вором, но не смог стать вором... Но он был смотрящим всей Авчала, и все знали, что это будущий вор, и ему подчинялись, верили* [ПМА 2007].

Однако не всегда роль смотрящего оказывалась благоприятной для соседского сообщества. Смотрящий обладал властью и силовым ресурсом, которые в случае столкновения его личных интересов с интересами других членов сообщества мог использовать в свою пользу. Приведу в качестве примера такого конфликта случай, рассказанный мне тбилисским социологом — женщиной около 40 лет, который произошел с ее семьей в 90-е годы. Семья приобрела пустующий дом — его никто не рисковал покупать из страха перед смотрящим, который намеревался его «присвоить». Смотрящий начал оказывать давление на семью, прибегая в том числе к помощи сотрудников полиции, с которыми

был в сговоре. Только обратившись к представителям нескольких правозащитных неправительственных организаций, владельцам удалось отстоять свое право на дом.

В случае воровства — угона машины или квартирной кражи — нормальной практикой в соседском сообществе было обращение к биржевикам с высоким статусом или к смотрящему, которые могли либо сами найти пропажу, либо, если это не в их силах, помочь связаться с вором в законе. По словам информантов, такие услуги в 1970–1980-е годы оказывались безвозмездно, но в 1990-е годы и биржа, и воры в законе стали просить за эту помощь плату.

Обращение в полицию считалось возможным только в случае, если совершено преступление, которое квалифицировалось как грабеж, а не воровство, например если машину не угнали, а из нее высадили. Однако, хотя грабеж и не входил в компетенцию биржи, к бирже все-таки могли обратиться, поскольку, несмотря на то что в таком случае обращение в полицию и не осуждалось, на помощь полиции особенно не рассчитывали.

В начале 1990-х практика возвращения украденного через уличные сети стала терять свою эффективность. В качестве иллюстрации приведу рассказ молодой тбилисской журналистки об одной такой неудавшейся попытке: *Потом, когда... поселились беженцы из Абхазии, когда их приехало уже очень много, Тбилиси наполнился ими так сказать, да, тогда, в тот период начались грабежи и все такое. На моей улице жила моя подруга, она работала со мной в... [название журнала], ее ограбили, вырвали из рук сумку. Ну и, конечно, «куда пойти?», «куда пойти?» — мы тут же заявили к тому вору в законе. Сказали, что вот так-то и так случилось. Я говорю: «Что нам делать?» Мы делали акцент на том, что в сумке у нее были кассеты с интервью, и интервью были записаны с такими людьми, которые уехали за границу, и она уже не смогла бы записать их снова. А ей они были очень нужны. Тип сказал мне: «Мою племянницу ограбили неделю назад, этот убани уже не тот, что раньше. Я уже не могу людей контролировать. Я не знаю, кто это сделал. Потому что приехало столько беженцев. Этого бы не сделали убанские*

парни. И kai bichebi⁹ из других убани не посмели бы. То есть это сделал уже приезжий, то есть тот, кто не подчиняется этим законам, пришлый человек.

Конечно, появление в Тбилиси беженцев из Абхазии — не единственный фактор, приведший к потере уличными лидерами контроля над городскими кварталами. Однако этот рассказ показателен как свидетельство процесса размывания соседских сообществ в Тбилиси в 90-е годы, а также зависимости эффективности уличных сетей от уровня солидарности в соседских сообществах.

В 1990-е годы биржи занялись рэкетом мелкого бизнеса (магазинов, кафе и т.д.) на территории своего убани. «Оброк» взимался под предлогом помощи «братьям на зоне». Собираемая дань могла быть разной по объему — от напитков и сигарет до довольно крупных денежных сумм.

Эта помощь «заключенным» могла выглядеть внешне как добровольная, оказываемая из соображений солидарности с попавшими в передрагу «братьями». Мотивы таких добровольцев объясняют так: *Ну, это Грузия, так или иначе, все-таки менталитет. Хозяин магазина может и не проявить инициативу, но он знает, что ты дзвели бичи, и он сам может тебе сказать: «я тебе дам 20 лари в месяц», помогу заключенным... Это очень редкие случаи, чтобы кто-нибудь, еще и по собственной воле... ты должен сам пройти эту жизнь [т.е. уличную жизнь], чтобы отдать кому-то другому [ПМА 2011].* Взамен биржа в некоторой степени обеспечивала безопасность магазина в основном перед натиском таких же сборщиков денег, но из других убани. Происходило это следующим образом: *Приходят пьяные, чужой убани и так далее: «Одолжи мне до завтра». А он знает, хозяин магазина, что парни, которые стоят в убани, убанские, он может на них надеяться. Потому что это взаимное уважение. И он уже разговаривает с ними [с чужими] с таким настроем, что они понимают, что короче, нет смысла [просить у него денег] [ПМА 2011].*

⁹ kai bichebi (ед. ч. kai bichi) — букв. «хорошие парни». Уличный статус, характеризующий людей, которые следуют уличным нормам поведения.

В конце 1990-х — начале 2000-х рэкетирование магазинов постепенно прекратилось, биржи превратились для магазинов просто в обременительное соседство с практикой постоянного одалживания.

Биржа и чужие убани

Свой убани по сравнению с другими члены биржи воспринимали как домашнюю, «свою», территорию, на которой они, рассчитывая на поддержку и солидарность своего сообщества, чувствовали себя более уверенно (*Все-таки совершенно спокойно ты чувствуешь себя в своем убани. В своем убани ты дома*), чужой — как пространство, потенциально способное стать враждебным. Чужой убани — территория, где у каждого за спиной — местный человеческий ресурс, поэтому при любой личной стычке противник будет иметь как минимум преимущество во времени, он быстрее мобилизует и приведет «своих» куда требуется.

Выбор места действия — свой, чужой убани или нейтральная территория — более чем существенен в ситуации уличной разборки. Выбор в пользу чужого убани дает моральное преимущество. Вот как об этом рассказывает один из информантов: *Когда ты с кем-то договариваешься разговаривать в его убани, значит, ты прав. Неправый не пойдет встречаться в чужом убани... Кроме того парня, есть же парни — его убнелеби, и ты когда идешь в его убани, они уже думают, что если ты неправый, ты не пойдешь... И когда ты один, может попасться десять отбросов, но сорок сознательных ведь увидят, что ты один, и они и слушать тебя будут, и больше тебе внимания уделяют, они думают... почему ты один?* [ПИМА 2012].

Подростки и молодые люди из других убани не рассматривались как враги априори, но существовал готовый поведенческий сценарий, позволявший направить агрессию против чужака, который оказывался вне своей территории. Жертвой агрессии мог стать только молодой человек, приблизительно равный биржевикам по возрасту, мужчины значительно старше их или мальчики значительно младше были исключены из «группы риска».

Для легитимации агрессии существовали разные тактики, которые собирательно описываются выражением, обозначающим поиск повода для стычки — «*prichinaze q'or'na*» (букв. «быть на причине»). Распространенной тактикой завязывания диалога с потенциальной жертвой было спросить «Из какого ты убани» или попросить сигарету, и тем самым получить возможность счесть ответ недостаточно вежливым или вызывающим и начать конфликт (*спрашивают: «сигарета есть?» Если «да, есть» [ровным тоном], а если «да, есть, брат» [развязным тоном], то может уже по-другому пойти* [ПМА 2007]). Поводом могли послужить манеры чужака, расцениваемые местными как агрессивные. Так, по словам информанта, у некоторых такое во внешности, что пройдет по чужому убани и вот, мол, «это я». В таком случае кто-то раздражается, местный, «ты кто такой?», «почему ты напрягаешься, что ты из себя представляешь?» [ПМА 2007].

Другой сценарий — только продемонстрировать возможность агрессии, дав понять чужаку, что он находится на подконтрольной этой бирже территории. Приведу пример из интервью:

Мне было где-то лет семнадцать, когда я закончил школу, ну школа все-таки была в убани. Ну и я... учился в техническом училище, и это училище было в Дидубе. ...То есть мне приходилось ездить в другой убани, семнадцатилетнему парню. И однажды, я помню, я вышел из метро и иду туда, мне нужно спуститься в училище и тут подошел тип. Здравствуй, то, се. Я говорю, «здравствуй». «Из какого ты убани, брат?» Я ему говорю, «я долидзец». «Там у вас в убани вором кто сидит? Знаешь кого-нибудь? ...Парней кого-нибудь знаешь? Ну я знал, один мой бывший одноклассник был такой, Глобус, и я сказал ему, мол, «вот Глобус». «А, Глобус, да-а. Короче, сейчас ты, брат, придешь в убани, найди Глобуса и скажи, что нахаловец Дджага велел передать приветы. Ну ладно, брат, теперь иди»... Короче, нужно ему перечислить парней, это вот состав биржи, причем авторитетный [ПМА 2007].

Если подросток не находился в состоянии конфликта с членом биржи другого убани, он мог прийти туда по делу или пройти через его территорию, но оставаться в публичном пространстве

убани долгое время без достаточных на то причин — уже нет, приход на чужую территорию должен был быть мотивирован. Приведу пример из интервью:

Инф: *А жителей третьего и шестого квартала мы туда вообще не пускали.*

Соб: *Как это не пускали?*

Инф: *Ну потому что наше это... (смеется). Что тебе тут надо? Если ты пришел в гости и все такое, да, только заранее скажи. А если нет, то тут, почему ты тут биржуешь [здесь глагол «биржевать» употребляется в значении «без дела проводить время на улице, находясь в каком-то одном месте»], чего тебе надо?*

Соб: *А заранее, это как?*

Инф: *Ну, у меня к тебе дело. Ну, ладно, тогда мы встретимся там [ПМА 2011].*

Некоторые убани считались противостоящими друг другу исторически, по традиции (как, например, Плеханова и Вере), что обеспечивало дополнительный потенциал для конфликтов, однако чаще всего исходной точкой межквартального противостояния становился личный, бытовой конфликт. В конфликте изначально могли быть затронуты интересы только двух лиц, но отношения взаимных обязательств и солидарности между биржевиками автоматически превращало частный конфликт в конфликт между биржами. Острое состояние конфликта могло быть продолжительным, и в течение этой фазы в него втягивались все больше и больше участников. В качестве примера приведу цитату из интервью:

Было противостояние в течение нескольких месяцев, старались сделать так, чтобы жители того убани в этот убани вообще не приходили, даже если, я не знаю, если была свадьба какого-нибудь близкого человека, он пытался избежать прихода туда, если мог избежать и не приходил, то не шел туда, потому что зачем ему лишние осложнения и наезды. Потому что он может встретиться на этой свадьбе с теми убанцами, с которыми у него был конфликт. Возможно, у этого лично не было конфликта, но убани с убани начали враждовать, может быть,

они уже не вмешиваются в дела друг друга, но в памяти у них осталась эта старая вражда, и они на всех жителей того убани плохо смотрят, пытаются устроить какую-нибудь провокацию, поскольку это тот убнели [ПМА 2011].

Членство в убанской бирже предоставляло силовой ресурс, который биржевик мог использовать в своих личных целях — правило солидарности биржевиков позволяло рассчитывать на гарантированную поддержку. В качестве самых распространенных информанты указывают конфликты из-за девушек, и в такие изначально сугубо личные конфликты могло втягиваться много людей. Распространенный сценарий конфликта: на девушку претендуют двое из разных убани, в какой-то момент один просит «оставить ее в покое», другой воспринимает это как оскорбление и сообщает об этом своей убанской бирже, вызывая при этом к групповой солидарности (*Как посмели вакинцы говорить так с нахаловцем* [ПМА 2011]), назначается встреча, обе стороны приводят свои биржи и в драке определяют, за кем будет право ухаживать за девушкой. Конфликт мог стать затяжным, если побежденный продолжал проявлять внимание к девушке — информанты вспоминают о случаях, когда «из-за одной девушки целые убани дрались два года».

Благоприятным в конфликтных ситуациях считалось наличие посредника — такого человека, у которого были личные связи с кем-то с соперничающей биржи.

Представляется, что для понимания специфики внутриубанских и межубанских отношений решающее значение имеют характерные для уличной культуры представления о коллективной чести, предполагающие, что оскорбление, нанесенное коллективу или любому из членов коллектива, приравнивается к оскорблению личности, которая к этому коллективу принадлежит.

Молодой человек двадцати семи лет, родившийся и выросший в Сабуртало на улице Иосебидзе (убани, застроенного в основной своей части многоэтажными домами) и в подростковом возрасте активно участвовавший в уличной жизни своего убани, так рассказывает о своих отношениях с «иосебидзцами» — известной

в те годы всему городу бандой или «братством» парней, живших на этой улице:

Соб: Ты же жил на Иосебидзе, но в братстве не был. Или был?

Инф: Я находился с ними в противостоянии, то есть с теми из них, кто относился к моему поколению. То есть у меня всегда были с ними очень плохие отношения. Мы с детства были вместе, вместе росли, но я помню, с одним из них у меня произошла драка... И после этого получилось так, что эта драка переросла в серьезный конфликт, потому что мое *sadzmakaso* [круг друзей] в убани... Вот они были одно *sadzmakaso*, а мы другое. Просто мы были убнелеби, и те и другие иосебидзцы.

Соб: То есть ты не входил в это братство и был с ними в конфликте.

Инф: Я не был в этом братстве, но это братство много раз меня поддерживало... То есть когда у меня, скажем, была какая-то проблема с другими, они были со мной.

Соб: А как же конфликт?

Инф: Это другое. У меня просто были плохие отношения. Только подеремся и опять драка.

Соб: И все равно они тебя поддерживали?

Инф: Да. Потому что драка всегда оканчивалась примирением. То есть был момент, что они меня ценили за то, что мне было наплевать, что они были братство, что их было много... У нас сейчас хорошие отношения, но мы не *дзмакацеби*. Мы совершенно разные типы [ПМА 2010].

В рамках соседского сообщества из молодых людей одного возраста обычно складывалось несколько биржующих вместе групп-*sadzmakatso*, между которыми, как в любом коллективе, могли складываться разные отношения или даже могло не складываться никаких. Но, какими бы ни были личные отношения между молодыми людьми, представления об убанской солидарности как о норме в ситуации внешней коммуникации оказывались выше внутренних конфликтов и действовали в том числе по отношению к тем, кто не пользовался уважением в убанском со-

обществе. Личные отношения — это одно, корпоративные интересы — другое.

Сила внутриубанской солидарности могла в некоторых случаях оказываться выше императива подчинения нормам уличного кодекса. Как большую смелость и рискованный поступок описывает информант решение убанского лидера защитить «неправового» жителя своего квартала от нападков ребят из другого квартала. Лидер объяснил мотив своего поведения «крамольным» с точки зрения уличного кодекса образом: *«kai bichi iz chужого убани я предпочитаю chtori¹⁰ из моего убани»¹¹*. Такое мог позволить себе только человек с особой харизмой и влиянием на улице [ПМА 2010].

Корпоративные обязанности могли распространяться на членов не только реального соседского сообщества, но и воображаемой общности жителей одного из «больших» тбилисских убани — Нахаловки, Мтацминды, Глдани и т.д. Эти люди могли не знать друг друга лично, но в критический момент тот факт, что вместе мы все называемся «нахаловцами», «мтацминдцами», «глданцами», вызывал к жизни локальный патриотизм, которым можно по-разному манипулировать. Вот пример из разговора с тем же жителем Сабуртало:

Взаимная поддержка, это был такой момент, что даже если когда вот такое случалось, что вот, например, у меня что-то произошло с каким-то нахаловцем, и я увидел не моего убнели, а какого-то сабурталинца со знакомым лицом и [он мне говорит] «Брат, у тебя что, проблемы?». Потому что это уже касается Сабуртало, с какой стати нахаловец должен наезжать [в оригинальной грузинской фразе «блатовать»] на пекинца [жителя улицы Пекина, относящейся к Сабуртало] при сабурталинце [ПМА 2010].

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют разделяемые на тбилисской улице представления об ответственности каждого за честь коллектива, и соответственно, об ответственности кол-

¹⁰ kai chtori — сленговое обозначение низкого уличного статуса.

¹¹ Уличный кодекс предписывает поддерживать правого, даже если он чужой, и преследовать своего, если тот не прав.

лектива за индивидуальную честь. Ведь оскорбление члена группы бросает тень на группу и наоборот. Но что делать, если вина, «ошибка», проступок твоего убнели против чужака очевиден и по нормам уличного кодекса справедливость должна быть восстановлена? Если нет возможности найти способ оправдать члена сообщества и вывести из порочащей честь ситуации, то лучше пусть он получит причитающееся не от чужого, а от своего.

Молодой человек, выросший в одном из тбилисских районов многоэтажной типовой застройки, с осуждением отзываясь о группе парней из своего убани, не входивших в его компанию, рассказывает: *Но хоть они и такие рожки, даже ради них у нас случался конфликт. Потому что, как бы там ни было, он твой убнели, и ты не дашь его угнетать, в конце концов, лучше пусть он от тебя получит, что заслуживает. Тут знаешь, какой понт? Приходит какой-то глданец [на разборку], и ты говоришь, минутку... идет базар, ты пытаешься вытащить его [своего убнели] из этой ситуации, если этот несчастный не совсем уж зарвался, минутку, и лучше тебе самому ударить его [своего убнели] и все, хватит, он получил, и уходите отсюда... понимаешь, чтобы этот его не побил [ПИМА 2012].* Внутренняя логика «установления справедливости» силами своего сообщества состоит не в попытке облегчить участь своего убнели, а в желании исключить порочащее имя корпорации вмешательство чужаков во внутренние дела сообщества¹².

Заключение

Мы убеждаемся, что тбилисские убанские биржи были прочно вписаны в соседские сообщества, к которым они принадлежали, являлись их продолжением. Членство в бирже предполагало социальную ответственность перед «своим» соседским сообществом, осознаваемую каждым участником уличной группы.

¹² Нужно отметить, что, конечно, подобные «акты правосудия» возможны скорее в отношении обладающих низким статусом в убани. Если бы подобная ситуация сложилась вокруг авторитетного члена сообщества, были бы найдены альтернативные пути выхода.

Об этом же пишет М.С. Янковски [Jankowski 1991]: в противоположность мнению сторонников теории социальной дезорганизации, рассматривающих отношения между уличными группами и сообществом как антагонистические или в лучшем случае безразличные, он приходит к выводу о том, что между ними возникает социальное сплочение, рабочие отношения, которые выгодны как одной, так и другой стороне. Это же мы видим и на примере тбилисских бирж: биржевики осуществляли в соседском сообществе социальный контроль, являлись своеобразной «полицией нравов» для его членов, выступали в роли «народной милиции», реагируя на агрессивные действия извне, а взамен получали лояльность со стороны сообщества, уверенность в том, что соседи в случае необходимости окажут им поддержку, что об их, возможно, расходящихся с государственным законом действиях не будет сообщено полиции.

Особенности социальной организации городских сообществ, характеризующихся высокой прозрачностью границ между приватным и публичным, присутствием многочисленных узлов коммуникации в публичном пространстве квартала, наличием соседских связей, история которых в некоторых семьях могла проследиваться на протяжении не одного поколения, являлись естественным контекстом для функционирования квартальных бирж. Соседи были хорошо осведомлены о составе бирж своего квартала, и, наоборот, ребята с биржи располагали самой широкой информацией о своих соседях, которую они получали в том числе через свои семьи. Биржи были одним из важнейших узлов коммуникации в убани, способствующим скреплению соседских сообществ, к которым они принадлежали.

Физические границы убани проводились по линии расселения членов определенного локального сообщества, а не наоборот. Фактически границы тбилисских убани определялись и переопределялись с позиций мужской уличной культуры, именно в ее рамках они актуализировались и именно для ее носителей были наиболее релевантны.

Определяющим фактором для понимания особенностей взаимоотношений внутри убани и между членами бирж разных квар-

талов являются важнейшие для уличной культуры представления о коллективной чести, согласно которым оскорбление любого члена коллектива воспринимается как ущерб чести всего сообщества. Норма локальной солидарности актуализировалась независимо от характера личных отношений между ребятами с биржи, и действие механизма коллективной чести распространялось даже на тех, кто имел низкий статус в убани. Корпоративные интересы оказывались выше личных, а соблюдение локальной солидарности настолько важным, что могло даже предпочитаться следованию нормам уличного кодекса.

Корпоративная ответственность распространялась не только на членов реального локального сообщества, члены которого были объединены знакомством и реальными взаимоотношениями, но и на воображаемые сообщества жителей более крупных городских районов, образованных несколькими убани. Локальный патриотизм, таким образом, становился удобным инструментом в случае необходимости мобилизации широких масс.

Сами информанты говорят о зависимости между активностью квартальных бирж и уровнем соседской сплоченности. В убанских «биржах», таким образом, можно видеть одновременно и следствие, и предпосылку высокого уровня локальной солидарности. Тбилисские «сообщества на углу улицы» были одним из важнейших центров соседского взаимодействия и органичной частью локальных сообществ.

Библиография

Ефимова Е. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М., 2004.

Anderson E. Code of the Street. Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City, New York: Norton Publishers Driessen H., Male Sociability and Rituals of Masculinity in Rural Andalusia // *Anthropological Quarterly*. 1983. Vol. 56. № 3. P. 125–133.

Garot R. Inner-City Teens and Face-Work: Avoiding Violence and Maintaining Honor // *A Cultural Approach to Interpersonal Communication*. Wiley-Blackwell, 2006.

Garot R. Where you from! Gang Identity as Performance // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. №. 1.

Harding D.J. Neighbourhood Violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods, Population Studies Center Research Report 05–586, December, 2005.

Jankowski M.S. Islands in the Street: Gangs and American Urban Society. Berkeley, CA, 1991.

jashi s. qalaqi gldani // tskheli shokoladi. 2008. № 35. gv. 53–60, 140–141.

Jimerson J.B., Oware M.K. Telling the code of the street. An ethnomethodological ethnography // Journal of Contemporary Ethnography. 2006. Vol. 35. № 1.

Koehler J. Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Munster, 2000.

morchiladze a. vakis geografia da skhva [География Ваке и другое] 170–183 // *teroris topografia.sabch'ota tbilisi.* Tbilisi, 2011.

saqarvelos kanoni binatmesakutreta amxanagobis shesaxeb, 2007 [Закон Грузии о товариществах собственников жилья] [последний вход 23.03.2012] <http://www.tbilisi.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=4728>.

Venkantesh S.A., Levitt S.D. Are we family or business? // History and Disjuncture in the Urban American Street Gang. Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 4. P. 427–462.

Vigil J.D. Group processes and street identity: adolescent chicano gang members // Ethos. 1988. Vol. 16. № 4. P. 421–445.

Whyte W.F. Street Corner Society. Chicago, 1943.

ПМА — Полевые материалы автора, собранные в Республике Грузия в 2007–2012 гг.